

Квартиранты

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE **IT**

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей

Квартиранты

Алексей Николаевич Кулаковский

Квартиранты

Рассказ

Перевод с белорусского Бориса Бурьяна.

Никодим Петрович Буза любит, чтобы разные приезжие и командировочные заходили к нему и просились на квартиру. Домик у него довольно просторный, а семья маленькая: жена по прозвищу Глухонькая, хоть слышит она очень хорошо, и дочь Дуся.

Заходит незнакомец, - Никодим Петрович усаживает его где-нибудь в стороне от стола, но непременно против себя, и начинает основательнейшую беседу. Незаметно, исподволь выпрашивает все: и где родился, и где крестился, и, если собеседник пожилой, - чем занимался до революции и после революции. Правда, подробности не слишком интересуют хозяина, однако пропустить какой-нибудь анкетный пункт он не может. Любопытно узнать о человеке все сразу: тогда легче определить и самое существенное - будет от него какая польза дому или не будет.

Когда выясняется, что новый знакомый соответствует вкусам и намерениям семьи, Никодим Петрович приглашает его присесть поближе к столу, а то и за самый стол, может даже угостить чем-нибудь: яблоками или чаем с брусничным вареньем. За угощением как бы между прочим заметит, что у него есть исправно действующий электрический чайник, несколько розеток, кивнет в сторону чистой комнатки, отгороженной для квартиранта.

Лишь после этого скажет кое-что и о себе. Прежде всего он пожалуется на то, что дела в здешнем колхозе идут неважно, что он сам, будучи колхозным бухгалтером, из сил выбивается, ночей не досыпает, чтобы хоть немного поправить положение, но ведь один, как известно, в поле не воин.

Вставит словечко и жена, если хозяин в хорошем настроении. Она сообщит, что их дочь работает счетоводом в МТС, что скоро ее повысят, переведут в бухгалтеры. И больше ничего при хозяине не скажет, потому что Никодим Петрович не любит, когда женщины вмешиваются в мужские разговоры. А выбрав момент, она наговорится вдосталь. Расскажет, что женщина она по природе своей слабая, хотя в годах еще небольших, и что самая

страшная болезнь для нее - это угар. И станет вспоминать случаи, кто когда и отчего угорел. Годов этак двадцать тому назад Яночкова Марыля угорела и чуть не померла от пряжи. Повесила мокрую основу над печью сушить. Сама легла на печь, а подняться уже и не могла. А то еще незадолго до войны Некрашовка из Издрашева угорела...

Случаев таких известно хозяйке множество, и с каждым днем они все прибавляются. По словам этой женщины выходит, что все люди угорают, как она говорит, от этой сырости, не будь которой, все были бы здоровыми.

Иногда во время таких бесед с новым кандидатом в квартиранты бывает дома Дуся. Она сидит в своей уютной комнатке, слышит все, морщится, потом вдруг резко раскрывает двери. Кандидат оборачивается в ее сторону, но она, не глядя на него, закрывает дверь на крючок и стремительно выходит из дому.

Чтобы замять неловкость, Никодим Петрович вздыхает.

- Свету белого не видит. Заработалась, ничто ей не мило...

Прошлой весной в дом Бузы был принят в качестве квартиранта энтээсовский комбайнер Иван Прибытной. До самой уборки он был весьма желанным человеком в доме Никодима Петровича. Ему предложили и столоваться вместе, а хозяйка получила строгий наказ: не жалеть для комбайнера лучшего куска.

А началась уборка - и все переменилось. Прибытного отлучили от стола, после перевели из комнаты на сеновал, и, наконец, хозяин сказал своей старухе:

- Прибытной-то он, может, и прибытной, да не про нашу честь. Нам от него прибыли не ждать - уж больно он за урожай дрожит, дурень.

И комбайнер был выжит из дому.

Узнав об этом, Дуся прибежала в правление колхоза, попросила отца зайти в кабинет председателя, где в это время никого не было.

- Почему вы его прогнали? - не скрывая своей досады и возмущения, спросила она.

- Кого?

- Прибытного.

- Я прогнал?

- А кто же?

- Да он сам ушел. Не поладил из-за чего-то с матерью и взял да ушел.

- С матерью! - подчеркнуто повторила Дуся. - Будто я не знаю, что мама без вас и шагу ступить не смеет. Мне просто стыдно...

Прибытной - наш комсомолец и самый лучший комбайнер... Вот погодите, будет комсомольское собрание - все расскажу!..

- Расскажи, рас-скаж-жи! - озлобленно прошипел Никодим Петрович. Внеси предложение, чтобы матери записали выговор всем вашим комсомольским сходом!..

Через несколько дней после этого явился новый квартирант, ветеринарный фельдшер. Звали ветфельдшера Анисимом Марковичем. Он пришелся по вкусу хозяевам. Они даже не придали значения тому, что Дуся, когда он приходил со службы, закрывалась в своей комнатке и не выходила иногда к ужину.

А к ужину Анисим Маркович почти всегда приносил что-нибудь аппетитное: то кусочек ветчины, то курочку, то вкусно пахнущую колбасу, ну, и, разумеется, бутылку спиртного. И порой ужин в доме Бузы проходил как бы на праздничном уровне: выпивали за здоровье обитателей дома, плотно закусывали, снова выпивали... Когда Анисим Маркович провозглашал тост за здоровье Никодима Петровича и его супруги, Никодим Петрович чуть горделиво склонял облысевшую голову, словно кланялся, потом вскидывал на квартиранта красноватые, слезящиеся глаза и довольно улыбался. Жена не кланялась. Она указывала на свою туго обвязанную платком голову и просила скидки на угар, но просила так, что ветфельдшер еще подливал в ее рюмку. Хозяйка выпивала, конечно, все до дна.

Выпив за здоровье хозяев дома, Анисим Маркович поднимал обычно тост за их дочь. Если в это время Дуся была в своей комнате, мать шла к ней и вслух говорила, что Анисим Маркович приглашает к столу, а затем долго с присвистом шептала что-то.

Случалось и так, что Дуся выходила. Анисим Маркович с рюмкой в руке поднимался навстречу ей, пощипывал маленькую замысловато подстриженную бородку и глядел на девушку с наигранной влюбленностью.

Дуся иной раз брала рюмку, не поднимая глаз на ветфельдшера, подносила ее к губам и снова ставила на стол.

- Ну, что же это вы, право? - заискивающим, хрипловатым голосом спрашивал ветфельдшер.

- Не могу, - пристально осматривая квартиранта, отвечала Дуся. - Мне нынче еще в контору надо идти - совещание агитаторов будет.

- Да возьми ты глоток! - не то просил, не то приказывал отец. Приглашают ведь тебя!

Случалось, что Дуся после отцовских слов отпивала чуточку, однако в разговор с Анисимом Марковичем так и не вступала, будто не замечала его стараний.

После ужина ветфельдшер усаживался в самое лучшее в доме,

обитое желтой клеенкой кресло, закуривал и начинал рассказывать всевозможные новости дня.

В присутствии Дуси Анисим Маркович рассказывал про одни случаи, без нее же - совсем другие. В предназначенных для Дуси рассказах ветфельдшер делал вроде невольные лирические отступления: тонко и осторожно намекал на то, что человек он одинокий и не хотел бы долго оставаться в таком на редкость тягостном положении, сетовал на злодейку судьбу, с глубокими вздохами хвалил тихое семейное счастье, такое, например, как у Никодима Петровича.

Без Дуси он держался свободнее. Заметив, что хозяйева склонны восторгаться всякими неожиданными происшествиями и разными делишками, обтяпанными хитро и ловко, Анисим Маркович и подбирал новости в таком духе, подчас правдивые, а чаще всего - далекие от правды.

Местные истории иногда не оканчивались сразу, и тогда ветфельдшер передавал их по разделам, чем особенно увлекал хозяев. Так, однажды вечером он сообщил, что наемный агроном МТС до того напился, что, идя темной ночью домой, свалился под мост, потерял там портфель с документами, ползал по грязной канаве, щупал, щупал вокруг и не отыскал портфеля.

А на следующий вечер Анисим Маркович смешил хозяев уже тем, что этот агроном с раскаяния напился пуще прежнего, повыгонял из дому жену и детей, а сам ходил из угла в угол и распевал во все горло непристойные песни.

Через день было сообщено, что колхозники случайно нашли злополучный портфель агронома. На радостях тот сбегал в ларек, взял в долг целый литр водки, угощал всех и каждого и расписывал во всех подробностях свои похождения, видимо, относя их к героическим.

О некоторых новостях ветфельдшер предпочитал разговаривать с одним только Никодимом Петровичем, даже хозяйка при этом не присутствовала.

- Хе-хе-э... - начинал он, развалившись в желтом кресле, - и есть же на свете, как говорится, хитрющие мастера, и-зоб-ре-та-тели...

- Что, что? - наострив уши, спрашивал хозяин.

- Изобретатели, говорю... В одной колхозе обкормили двух телят. Прирезали, а после акт составили - от болезни, мол, подохла скотина... И мясо есть, и концы в воду!

- Тэк, тэк... - моргал глазами хозяин. - И в каком же это колхозе?

- М-м... не помню. Не то в "Партизане", не то в "Пятилетке".

- Двух, говорите, обкормили?

- Да, - безразлично подтвердил ветфельдшер, - двух.

- Так ведь у нас вчера трех опоили.
- Правда? - квартирант делал вид, что это поразило его.
- Ага, правда, Анисим Маркович.
- Как же я-то об этом не знаю?

- Так что тут такого, Анисим Маркович, не все ведь вам... Как говорится, не ночевать же вам на ферме...

Поперекидывались они вот такими замечаниями, а потом стали решать дело всерьез. И решили, что надо этих опоенных телят взять да и списать, как в том самом колхозе, название которого запомнил Анисим Маркович.

Следующий день был хлопотливым. Ветфельдшер пришел домой поздно и, вопреки обыкновению, ничего не принес на ужин. Никодим Петрович встретил его с волнением. Старуха уже спала. Хозяин сам накрыл стол. Он все ждал приятных новостей. А ветфельдшер нарочно испытывал хозяина: помаленьку раздевался, не торопясь умывался, долго ел и лишь к концу ужина заявил, что работенка движется к закруглению.

Так, вероятно, и закруглилась бы их работенка, не долети до ушей ветфельдшера одна очень досадная для него новость: в колхоз, где были проделаны махинации с обкормленными телятами, приехали ревизоры и докопались до всего.

Несколько дней подряд в доме Бузы прежнего подъема как не бывало. Ветфельдшер отказывался от ужина и только пил с жадностью кислое молоко. От него несло тройным одеколоном.

Никодим Петрович все чаще заглядывал в районную газету и, особенно при дочери, делал вид, что поглощен важными думами. Одно обстоятельство начинало беспокоить его еще больше, чем прежняя неудача. Судя по газетным материалам, да и по слухам, доходившим сюда, в здешнем колхозе, как и во всем районе, предстоят большие мелиоративные работы. Будут рыть каналы. А где они пройдут, эти каналы? Надо полагать, низинами. Низина же - рукой подать, она прямо за огородами. В сухое лето там хорошо растет свекла и безо всякой каналы, потому-то Никодим Петрович и отгородил себе немного этой самой низины.

В правление пришла бумага: скоро в колхоз приедет мелиоратор. Никодим Петрович тотчас поспешил домой, позвал к себе соседа-плотника, который некогда нечто одалживал у него и до сих пор не вернул, показал ему, где лежат доски, втолковал, что и как нужно сделать в доме, и снова побежал в правление.

Вечером ветфельдшер, вернувшись домой, увидел, что рядом с его комнаткой появляется еще одна.

- Что это? - сухо спросил он хозяина.

- Да это так себе, - засуетился Никодим Петрович, - на всякий случай... Вот из города кто-нибудь нагрянет, то да се... Пускай уж

будет еще одна боковушка.

А у самого скребло на сердце. Может ведь не выручить и это, все вверх тормашками может перевернуться. Где же они копать станут?

И чтобы доискаться ответа на этот назойливый вопрос, Никодим Петрович стал выходить на люди, чего раньше всячески избегал. Сходил он как-то на сессию сельского совета, потом на открытое партийное собрание. В энтээсовский клуб приехала кинопередвижка, так Никодим Петрович пошел и туда. Переступил порог, а мальчуганы-контролеры поймали его за рукав:

- Дядя Никодим, ваш билет?
- Какой такой билет?
- Обыкновенный, вот какой. За два рубля.
- Отстаньте вы!
- Ну, так хоть за рубль купите, детский...
- Отцепитесь!

И, к всеобщему удивлению, прошел без билета.

В клубе были люди и из соседних деревень. Никодим Петрович заговорил с ними, стараясь выведать что-нибудь про каналы. Ничего определенного соседи ему не сказали. Приедет мелиоратор, тогда все станет ясным.

Приблизительно через неделю мелиоратор приехал. Был он совсем еще молодым; видимо, не так давно приобрел эту специальность. Молодость его и бросающаяся в глаза житейская неопытность огорчили Никодима Петровича.

Ну, о чем же говорить с таким? С ним, вроде как с дочерью Дусей, не слишком развернешься в беседе и не очень-то насоветуешься.

Все-таки Никодим Петрович пригласил мелиоратора к себе, усадил его перед собой и не меньше часа выпрашивал всякую всячину. Пока выпрашивал, не называл по имени, хотя из документов уже знал, что зовут мелиоратора Павлом, Павлом Игнатьевичем. К концу беседы почувствовал: мелиоратор хотя и молод, да подстать любому старому; о чем ни спросишь, ответит, да к тому же еще и пояснит. О направлении канав не было еще речи, однако Никодим Петрович проникся уважением к мелиоратору, показал тому исправный электрический чайник, розетки, а потом провел в уютную комнатку, намекнув, между прочим, что задумана она была специально для него. Затем хозяин назвал своего будущего жильца Павлом Игнатьевичем и предложил ему присесть в обитое желтой клеенкой кресло.

Вскоре пришел Анисим Маркович. От него пуще прежнего несло тройным одеколоном. Увидев, что в желтом кресле сидит

незнакомый человек, он сперва поглядел растерянно на хозяина, затем как-то неопределенно поклонился.

- Знакомьтесь! - протянул к нему руки Никодим Петрович. - Наш мелиоратор - Павел Игнатьевич.

Ветфельдшер теперь понял, для чего так поспешно сооружалась в доме Бузы еще одна комнатуха. Выбрав удобный момент, он спросил хозяина:

- Что, может быть, я здесь отныне лишний?

- Что вы, что вы? - встревоженно зашептал Никодим Петрович. - Откуда вы это взяли, Анисим Маркович! Разве у нас мало места? Поместимся, слава богу... Было бы только кому жить.

За ужином ветфельдшер разговорился. Анисим Маркович старался показать, что осведомлен во всех вопросах, а тут еще и Дуся вышла из своей комнаты и села за стол. Удивился Анисим Маркович, что вышла она без приглашения, однако виду не показал. Пускай, зато она услышит, насколько прежний квартирант умнее нового, как он любого может обставить и даже высмеять, если захочет.

- Во-от, вы, значит, это самое... - пощипывая бородку, заговорил Анисим Маркович и обернулся в сторону мелиоратора, - канавки тут копать будете... А знаете ли вы, молодой человек, хе-хе-э... что встречаются здесь такие люди, которые любят падать в эти самые канавки и купать в них важные государственные документы? А? Не знаете?

Хозяйка уткнула в локоть свою повязанную голову и залилась тихим, сиплым смехом.

- Эмтээсовский агроном, скажем, не слыхивали? Выходит, не на пользу канавки людям, а во вред. Хе-хе-э... - осклабился Анисим Маркович.

- Вовсе и не смешно, - вдруг сказала Дуся, - и про агронома вы все наврали!

Чтобы как-нибудь смягчить резкость дочери, хозяйка залилась громким смехом, а ветфельдшер в ответ на Дусины слова взял со стола наполненную рюмку, залпом выпил и так сморщил лицо, что его бородка-клинышек торчком поднялась к губам и стала по форме точь-в-точь, как его красный нос.

- Хе-хе-э! - с натугой выдавил он, растерянно посмотрев на хозяйку. Однако же есть у нас такие агрономы... - и уже для Дуси добавил: - Если еще и мелиораторы такие же...

- Пока мелиораторы, - спокойно произнес Павел Игнатьевич, ветфельдшеры уже нашлись.

Дуся фыркнула и почему-то смутилась - лоб и щеки ее залила краска.

- Ма-алдой ч-чиабек! - угрожающе прохрипел Анисим

Маркович. - Если вы позволили себе в присутствии старших...

- А где же ваша рюмочка? - захлопотал Никодим Петрович. - Куда ж она запропастилась? Давайте выпьем... За ваше здоровьечко, Анисим Маркович!

Однако ветфельдшер больше уже не пил. Нервно пощипывая бородку, он поднялся из-за стола, прошелся по квартире туда-сюда, остановился возле новой комнаты, молча закурил и дым начал пускать прямо туда. Так простоял он несколько минут. Хозяйка успела уже собрать со стола, а Никодим Петрович разложил свежий номер газеты, потрепанный "Огонек", вероятно, тайком вынесенный из избы-читальни, и какую-то зачитанную книгу без обложки. На ветфельдшера он поглядывал недовольно.

Дуся удивленными глазами следила за отцом. Потом она взяла книжку и унесла ее в свою комнату. Оттуда вынесла две совсем новенькие и, наверное, более интересные.

Анисим Маркович как-то боком шагнул к столу, хотел было, ни на кого не глядя, сесть в кресло, но там уже сидел мелиоратор и тихонько говорил что-то Дусе.

Ветфельдшер махнул рукой и скрылся в своей каморке.

На следующий день он пришел домой раньше обычного. В квартире застал только одну хозяйку с мокрым полотенцем на голове. Анисим Маркович с нескрываемым удовольствием развалился в желтом кресле. Голову он положил на уголок спинки, потянулся и по-кошачьи, с оскалом редких зубов, зевнул. Пахло от него уже не тройным одеколоном, а обыкновенной водкой. Пусть все знают, что выпил.

- Хе-хе-э!.. - злобно рассмеялся ветфельдшер. - Хоть немножко отдохнуть в кресле, которое некогда было отведено мне...

- Сидите, Анисим Маркович, отдыхайте, - добродушно заговорила с ним хозяйка. - Отдыхайте себе на здоровье... А если вздремнуть хотите, я постелю, прилягте покуда...

- Хе-хе-э! - снова засмеялся ветфельдшер. - Посидите, отдохните!.. А придет этот канавокопатель, тогда, значит...

- Придет, так ведь и ему места-то хватит.

- Хватит?.. Конечно, конечно... Ему здесь места хватит, - и ветфельдшер презрительно уставился в двери Дусиной комнатки.

Хозяйка не заметила этого, но если б даже и заметила, то едва ли бы обиделась. Она то и дело поправляла на голове сползавшее мокрое полотенце и бросала на квартиранта сочувственные взгляды.

- Так, может, приляжете? - спросила она снова. - А у меня, поверьте, так голова разболелась, что хоть кричи! Принесла, это, утречком яблок, порезала да в печь их... Сразу-то вроде ничего, а после как обдаст меня из печи духом...

- Ду-ухом, - с насмешкой передразнил ее ветфельдшер, - и прямо в нос? Хе-хе-э!

Хозяйка поняла, что квартирант сегодня хватил сверх меры, и, склонив голову, замолчала.

- Та-ак вот оно... - продолжал ветфельдшер. - Духом, значит?.. А скажите, моя дорогая смотрительница катушков, отчего это вас прозвали "Глухонькой"? А? По отцу так, по деду или по бабке? Хе-хе-э... Имя ваше Марфа, а все зовут "Глухонькой". Уши у вас есть, все прочее...

В сенях звякнула щеколда, и Анисим Маркович осекся на полуслове. Вошел хозяин. Он досадливо поморщился, увидев полотенце на голове жены, а к ветфельдшеру обратился весело:

- Что, Анисим Маркович, как дела-делишки?

Ветфельдшер глубже уселся в кресле, поднял к губам бородку и невыразительно, будто кто-то ему подвязал язык, пробормотал:

- Нор-рмально, сэр, нор-рмально!.. Вот сидим, ведем задушевную беседу с нашей бесценной кормилицей и поилицей. Д-дэс!

Хозяйка проворно поднялась с места и отошла к печке.

Ветфельдшер потянулся, почмокал губами и вытянул руки в сторону Никодима, Петровича:

- Слушайте, как вас там?.. Вот оно что... Ага! Товарищ Буза! Хе-хе-э... Хотите, я вам расскажу приятнейшую новость?

- Рассказывайте, Анисим Маркович, - недоуменно глядя на квартиранта, согласился хозяин.

- Пойдемте-ка сейчас с вами к одним христианам и напьемся. Пойдем?

- Что вы, Анисим Маркович, - догадавшись, в чем дело, стал отговаривать ветфельдшера Никодим Петрович, - скоро ночь на дворе.

- Вот, вот, ночью-то как раз и ходить! Хе-хе-э!.. Ну, ладно, пойдем завтра. Хорошо?

- Завтра посмотрим.

- А то, знаете, захожу я нынче в одну избу... Печеными яблоками пахнет, как у вас. Хозяйка подойник моет, а ребятишки свежего молока ждут и облизываются. Я поздоровался, посидел немного, понюхал этого яблочного духу, а потом и говорю: "Есть, говорю, решение всем здешним коровам прививки сделать... Чтобы, значит, не болели они. Так что вы сегодня еще подоите свою буренушку, а там и потерпеть придется несколько дней. Ничего не поделаешь, говорю, - постановление!.." Хозяйка как взмолилась, как заголосит: "А зачем же они, прививки, а как же детки без молочка, да ведь коровке уж делали эти прививки..." - "Ничего, говорю, еще разок сделаем..." - "Два раза, говорит, уж ей

делали..." - "Ничего, говорю, мы и в третий сделаем". Хе-хе-э!.. Тогда хозяйка эта подойник - в сторону, сама - в сени. И волочет оттуда бутылку настойки... Эх, Никодим Петрович, товарищ Буза! И что это была за настоечка, скажу я тебе! Все на свете за нее отдашь!.. Любую бумаженцию подпишешь!.. Завтра пойду еще к одной, а там и еще... Пойдем со мной! А? Никодим Петрович? Товарищ Буза!..

В квартиру вошла Дуся. Незаметно посмотрела на комнатку мелиоратора, легко и стремительно направилась в свою. На квартиранта в желтом кресле она даже и не взглянула.

Защемило сердце у ветфельдшера: вот прошла совсем рядышком, будто пролетела... Только мелькнуло перед глазами бело-голубое платье да качнулась тугая коса... Привередливая!

- Ужинать будешь? - спросила мать.

- Не хочется, - на ходу ответила Дуся и скрылась в своей комнатушке.

Анисим Маркович посидел немножко, протер рукой слипавшиеся веки, почмокал губами.

- Ужинать будете? - обратилась хозяйка и к нему.

Ветфельдшер ничего не ответил, встал и ушел в свою боковку, откуда немного погодя донесся сипловатый храп.

Никодим Петрович вылез из своего угла между кроватью и сундуком, где он сидел, будто прячась от чудака-квартиранта. Смело и размашисто, как и подобает хозяину дома, прошелся к дверям, остановился рядом с женой и, кивнув головой на дверь, откуда доносился храп, сказал:

- Проспится - каяться будет.

Близилась полночь, а мелиоратора еще не было. Хозяйка, приведя в порядок повязку на голове, пошла спать, а Никодим Петрович все сидел за столом и читал районную газету. Ему хотелось дожидаться Павла. Глубокой раной в сердце зияла эта канавка, грозившая отрезать изрядную часть огорода. Неужто так приспичило копать ее именно здесь? Разве нельзя отступить хотя бы немножко, ну, шагов на двести?..

Смотрел Никодим Петрович в газету, но перед глазами видел лишь черную свежую канаву. Смотрел так, думал и вдруг задремал. Увидел во сне, что вода в этой канаве уже разлилась до самого его дома и затопила весь огород.

Встрепенулся хозяин от легкого стука в окно. Но он и подняться не успел, как выпорхнула Дуся и молнией метнулась в сени. Оттуда она вернулась вместе с Павлом. Мелиоратор был заметно утомлен и в то же время весел. "Еще бы не веселиться - такая красавица встречает", - с какой-то робкой надеждой подумал отец и хитровато посмотрел на дочь. Та стыдливо

потупила искристые веселые глаза, которых еще не коснулся сон, на ходу подхватила электрический чайник и торопливо стала наливать в него прозрачную воду.

- Насчет чайку не беспокойтесь, - ласково сказал Павел уже из своей комнатухи, снимая промокшую и выпачканную торфом спецовку. - Я вот свеженькой водицы напьюсь и - спать.

- Так ведь и мы еще не ужинали, - сказал отец, чтобы смягчить очевидность преднамеренных стараний Дуси.

- Тогда - иное дело, - согласился мелиоратор. - Тогда попьем. А я думал, что вы уже давным-давно спите... Дуся, вам, наверное, завтра вставать надо рано?

- Ничего, встанем, - дружелюбно отозвалась девушка.

Она, словно ветерок, летала то к столу, то от стола, и вскоре ужин был приготовлен так умело и ловко, что не только Павел, но даже отец и тот удивился. Никогда он не примечал за дочерью таких способностей.

Павел пробовал горячий чай, видимо, лишь за компанию, а больше налегал на масло и сыр. Ему, правда, неудобно было показывать, насколько он проголодался, но скрыть это было попросту невозможно. К тому же и Дуся и Никодим Петрович относились к нему, как к своему.

- Ну, так, Павел Игнатьевич, как же там, - исподволь начал хозяин приближаться к делу, которое вот уже многие дни и ночи не давало ему покоя, - насчет этого самого планика?

- План? План уже есть, - сказал мелиоратор и одним глотком допил свой чай. Дуся потянулась было к чайнику, но Павел задержал ее руку и улыбкой поблагодарил девушку. Свежие, обветренные щеки его зарумянились.

- План есть, - повторил парень, переведя взгляд. - Вот он.

И Павел достал из планшетки небольшой лист кальки, развернул его на той половине стола, с которого Дуся уже убрала посуду. Никодим Петрович встал из-за стола, склонился к недавно подстриженному розовому затылку мелиоратора и стал жадно всматриваться в линии и условные знаки, не совсем понятные для него.

- Тэ-эк-тэк!.. - задумчиво приговаривал он. - А это что такое? Тэ-эк... А вот это?

Мелиоратор неторопливо растолковывал.

- А вот это, это-то что такое?

- А это - канава. Она пройдет неподалеку отсюда, по соседству с нами.

- Как по соседству?

- Совсем близехонько. Прямиком за вашим садом.

- Тэ-э-эк! - протянул Никодим Петрович. - За садом... Тэ-эк...

Ну, что ж... Послушайте, Павел, - он положил свою широкую, поросшую рыжеватыми выющимися волосиками руку на плечо парню. - Павлуша! Павел Игнатьевич! А нельзя ли, скажем, эту самую канавку взять да вот, как тут на бумаге, отвести всего на каких-нибудь полсантиметра? А?

- Нет, этого нельзя делать, - тихо, но непреклонно сказал мелиоратор.

- Ну, а если подумать хорошенько?

- Все равно. Нельзя.

Тяжелой, почти совсем бессонной была для Никодима Петровича эта, уже не столь короткая, сентябрьская ночь.

Прошло две недели. Анисим Маркович почти каждый вечер являлся в необыкновенном настроении, плел своим будто перевязанным языком самые невероятные истории и, вопреки надеждам хозяина, даже не собирался в чем бы то ни было каяться.

Мелиоратор пропадал на работе до самой темноты. На его участок прибыла новая техника, мелиоративные бригады окрестных колхозов перевыполняли дневные задания и требовали немедленных указаний. Дни стояли на редкость сухие, солнечные - надо было пользоваться благоприятной погодой.

Порой Павел возвращался с участка до того поздно, что, приближаясь к дому Бузы, начинал чувствовать угрызение совести. Ему казалось, что он провинился в чем-то: темные окна смотрели на него неприветливо. Если прислушаться, около одного из них, пожалуй, можно было бы расслышать сладкий храп ветфельдшера.

Ну как же стучать в такой поздний час, как осмелиться нарушить сон утомленных за день людей?

И парень присаживался на лавочке на веранде, ожидая какого-то неизвестного, странного случая, который бы помог ему вдруг очутиться в своей уютной комнатке. Раза два такой случай выпадал. Дуся замечала его через окошко, а может, шаги слышала и поспешно открывала двери.

Потом стало еще сложнее. Однажды Павел, идя домой, издалека заметил, что одно окно в доме Бузы светится. Обрадовался: значит, кто-то не спит еще, значит, можно смело постучать. Увидев же, что свет горит в комнате Дуси, он почувствовал неловкость гораздо большую, чем прежде. Опять не осмелился постучать, и опять в нерешительном ожидании чего-то сел на лавочку на веранде.

Однако почти в тот же миг вышла на веранду и Дуся.

- Что же вы не стучите? - теплым и робким шепотом спросила она. - Я же не сплю еще.

- А почему вы не спите? - не скрывая благодарности, спросил ее в ответ Павел.

- Читаю.

- А я уж думал - придется тут на лавочке пристраиваться... Да сколько там того сна осталось... Чуть посветлеет, и снова на участок... Иначе бригадиры меня опередят. Ох, и бригадиры у меня, вы бы только знали! Один к одному! Вот приду к ним и в работе не замечаю, как время летит, как и день-то проходит. И вот...

Павел обернулся на темную улицу, поглядел на трепетные звезды в полночном небе.

- Я тоже в последнее время поздно прихожу домой, - сказала Дуся, глядя в звездную высь. - Нынче в тракторной бригаде была, читку проводила, завтра репетиция в клубе... Так что стучите смело, я спать не буду...

После этого разговора, как только начинало смеркаться, перед взором Павла вспыхивал призывный огонек в Дусином окошке. Хотелось бросить все и спешить, спешить домой, поглядеть в ее глаза, ласковые и немного тревожные...

А дела удерживали. Тогда становилось невольно жаль эту девушку: ведь она так поздно сидит и ждет, ждет. Сердился и на самого себя за то, что до сих пор не смог так организовать работу, чтобы можно было управляться раньше.

Никодим Петрович после ночного разговора с Павлом стал еще больше задумчив. Терзали его сомнения. С одной стороны, он сознавал, что если этот парень сказал, то не отступит, сделает так, как намечено планом и, разумеется, утверждено где-то повыше; с другой - теплилась еще надежда, что мелиоратор уважит его, что не может же не подействовать на юношу этот приют, Дусин чай, словом, все то, что делается для него в доме Бузы.

Попробовал поговорить еще, пытался Дусю склонить на свою сторону и, когда из всего этого ничего не получилось, когда злосчастная канава еще быстрее прежнего стала подползать к огороду, выбрал минутку и завел с мелиоратором такую беседу:

- Вы, Павлуша, Павел Игнатьевич, - очень хороший, почтенный человек. Мы привыкли к вам, поверите ли, как к родному... Сколько этот дом стоит, не знавали мы таких уважительных квартирантов. Не было таких... Однако, Павлуша, дорогой Павел Игнатьевич, в чем дело-то... Скоро ко мне должен приехать гость, так что...

Павел в тот же вечер покинул дом Бузы.

Дуся долго, с глубокой обидой и возмущением корила отца. Разволновалась и не ложилась спать до рассвета. Не мил стал ей

этот дом, ее комнатка и кровать, как две капли воды похожие на кровать и катушок ветфельдшера. Не могла она больше смотреть на все это. Опустевшая комнатка Павла заставляла ныть сердце.

Перед выходным днем дочь заявила родителям, что она уходит из отчего дома.

Так и остался Никодим Петрович с одним своим квартирантом, рассказывающим, как и прежде, по вечерам разные новости и невероятные истории.

1953